

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПАДЕНИЕ АНТОНИ ИДЕНА

Член-корреспондент АН СССР В. Г. Трухановский

«Никогда один деятель не сменял другого более гладко», — вспоминает Антони Иден о том, как он заменил Уинстона Черчилля на посту премьер-министра Англии 6 апреля 1955 года. Однако это пустые слова, вызвавшие иронию даже у коллег Идена. «Смене караула» на Даунинг-стрит, 10 (резиденция премьер-министра), предшествовала более чем трехлетняя закулисная борьба, когда почти все считали, что престарелый Черчилль должен сдать власть, а старик все не хотел уходить. Кроме Идена, имелись и другие претенденты. Барбара Касл, видная деятельница лейбористского движения, заявляла в те дни: консерваторы «говорят о борьбе за личную власть в лейбористской партии, но известно ли вам, как пристально следят Батлер и Иден друг за другом, надеясь унаследовать башмаки покойника?». И лишь поскольку в ходе этой длительной закулисной деятельности все уже было взвешено, согласовано и отработано, смена премьера прошла без видимого ажиотажа. Этому способствовало и такое непредвиденное обстоятельство, как забастовка, прервавшая на некоторое время издание лондонских газет. В результате изменения «на самом верху» не получили полагавшейся такому событию огласки.

В 30-е годы Иден, как уже отмечалось, был одним из самых молодых министров. Весной же 1955 г. ему было уже 58 лет — возраст немалый даже по английским политическим нормам. Правда, в Англии ценят пожилых государственных деятелей, ибо полагают, что годы политической борьбы вооружили их особой мудростью и жизненным опытом. Андре Моруа в биографии лорда Биконсфилда (Б. Дизраэли) заметил: «Старость — вообще достоинство для политического деятеля, в Англии же особенно... Англичане любят старых государственных деятелей, истрепанных и отшлифованных борьбой, как любят старую кожу и старое дерево». Став премьер-министром, Иден первым делом должен был реорганизовать кабинет по своему усмотрению. Одновременно требовалось решить вопрос о проведении выборов в парламент. Правда, в том составе палаты общин консерваторы имели хотя и незначительное, но все же большинство, да и срок ее полномочий истекал лишь через полтора года. Тем не менее не существовало никакой уверенности, что обстановка окажется тогда более благоприятной. Ведь весной 1955 г. экономическое положение страны было сносным, а это очень важно для выборов. Кроме того, Иден, лидер консерваторов, добился за несколько месяцев до того крупного личного успеха: он принял активное участие в Женевской конференции, положившей конец войне в Индокитае (как потом оказалось, ненадолго), и почти одновременно сыграл активную роль в заключении соглашений, предусматривавших ремилитаризацию Западной Германии. За последнее реакционные круги превозносили Идена. Королева наградила его высшим английским орденом — орденом Подвязки. Награда автоматически принесла ему титул сэра, а его супруге — право именоваться леди. Роль, сыгранная Иденом в Женеве, дала ему популярность и среди тех, кто действительно хотел разрядки международной напряженности, — в широких кругах избирателей. Поэтому для консерваторов немал был соблазн тотчас же использовать все эти благоприятные обстоятельства, провести досрочные выборы в парламент и в случае победы получить новый мандат на пятилетнее управление страной.

Впрочем, твердой уверенности в победе на выборах не было ни у Идена, ни у его коллег. Но они решили рискнуть. По рекомендации премьера королева подписала указ о роспуске палаты общин и назначении выборов на 26 мая 1955 года. Такое решение означало, что пока в составе кабинета требовалось произвести лишь минимальные изменения, отложив радикальные перестановки до желанной победы на выборах. Нуж-

но было прежде всего заместить пост министра иностранных дел, который до этого занимал Иден. У Идена имелась своя кандидатура — маркиз Солсбери. Оба они в политическом плане одинаково мыслили и были большими друзьями. В 1938 г. Солсбери (тогда еще лорд Брэнборн) был заместителем у Идена и вместе с ним ушел в отставку из правительства Н. Чемберлена. В последующие годы их политическое сотрудничество продолжалось. Летом 1953 г., когда Иден болен, Солсбери руководил Форин Оффис. Идену хотелось сделать друга своим преемником. Но Солсбери был маркизом, а в XX в. выдвижение титулованных особ на ключевые правительственные посты, как правило, не импонирует широким массам, и правящие круги, стремящиеся «демократизировать фасад» империалистического государства, вынуждены считаться с этим обстоятельством. На это и натолкнулся Иден. Пришлось маркизу Солсбери довольствоваться второстепенным портфелем — лорда-президента совета, а министром иностранных дел стал Гарольд Макмиллан. Человек того же поколения, что и Иден, он состоял в обоих правительствах Черчилля и подвизался в сфере крупного издательского бизнеса.

Новый глава Форин Оффис был тоже вполне проверен в политическом отношении и никаких принципиальных расхождений с Иденом не имел. «Каждый кабинет, — писал Иден, — нуждается в советниках, на которых можно положиться». Вероятно, с учетом именно этого соображения он сделал членом кабинета и министром по делам Содружества графа Дугласа Хьюма, известного в свое время сторонника политики «умиротворения» фашизма, сопровождавшего в 1938 г. Н. Чемберлена на Мюнхенское совещание. Хьюм отличался завидной последовательностью. Он никогда не отмежевывался от мюнхенской политики, всегда считал ее правильной и лишь сожалел о ее неудаче. Другой старый мюнхенец — А. Киркпатрик — был сохранен Иденом на ключевом посту постоянного заместителя министра иностранных дел, где должен был опекать и направлять Макмиллана. «Я чувствовал, — писал Иден, — что активный и плодотворный ум Макмиллана будет хорошо соответствовать высокому уровню руководства министерством иностранных дел, осуществляемого сэром Айвоном Киркпатриком». В будущем случилось так, что двое из этого состава кабинета — Макмиллан и Хьюм, а также назначенный главным парламентским организатором консерваторов Эдвард Хит в непродолжительном времени последовательно становились премьер-министрами Англии.

Английская пресса единодушно одобряла назначение нового главы правительства. Печать сравнивала Идена, к большому его неудовольствию, с его предшественником, пытаясь выискать у нового премьера преимущества перед прежним. «Сэр Антони, — писала «Sunday Dispatch», — несомненно, фигура значительно более мелкого калибра, чем сэр Уинстон. Но, несмотря на это или даже благодаря этому, Иден, весьма вероятно, может оказаться даже лучшим премьер-министром для современной эпохи и сегодняшнего дня... Кроме того, сэр Антони обладает качеством, которого не хватало сэру Уинстону: он сумеет сделать так, что дипломатия и действия Англии перестанут вызывать ненависть и подозрения со стороны азиатов, арабов и африканцев». «Положительные» черты Идена как государственного деятеля печаль выводила из созданной ею же неверной концепции его личности. Как часто бывает в политике, люди становятся жертвой собственной пропаганды. Заметим, кстати, что личность нового премьер-министра вскоре раскрылась во всей полноте и перед народами стран Азии и Африки и перед его соотечественниками. Но для этого потребовался год.

1. Иден и подготовка женеvской встречи на высшем уровне

Лидеры консерваторов были одержимы страхом перед возможным поражением на предстоящих выборах. «Никто не мог предсказать, — гласит запись в дневнике Макмиллана, — как обернутся эти выборы». Усилия правительства Идена и консервативной партии весной 1955 г. были сосредоточены на том, чтобы обеспечить победу на парламентских выборах. Для этого предпринимались срочные шаги в области как внутренней, так и внешней политики. Ничего оригинального, чтобы привлечь на свою сторону избирателей, они, однако, не придумали. Как и его многочисленные предшественники, правительство Идена бросило временные экономические податки трудящимся

и мелкой буржуазии, отменило налог на некоторые виды покупок, чтобы привлечь симпатии домашних хозяек. Манипуляции подобными мерами часто достигают в Англии цели. Но главное средство завоевания избирателей лежало в сфере внешней политики. Вопросы войны и мира стояли в 1955 г. очень остро. Стремление к разрядке международной напряженности овладело широкими народными массами. Лейбористы эффективно использовали в борьбе против консерваторов тот факт, что Черчилль и его соратники выступали в роли поджигателей новой мировой войны. С целью убедить рядового англичанина в обратном Черчилль начиная с 1953 г. неоднократно заявлял о готовности провести с Советским Союзом переговоры на высшем уровне. Эти заявления делались в такой форме, что английские избиратели должны были понять: если кто-либо и может договориться с Советским правительством, то только консерваторы. Разумеется, в действительности лидеры английских тори и не помышляли о прекращении «холодной войны». Ныне доказательств того более чем достаточно. Среди них важное место принадлежит свидетельству Макмиллана.

Еще весной 1954 г. правительство Англии приняло решение в пользу созыва конференции с участием английского премьер-министра и глав правительств СССР, Франции и США «с целью заново рассмотреть проблему сокращения вооружений и установления над ними контроля и выработать позитивную политику и средства, которые избавили бы все народы мира от страха, угнетающего их ныне». Но, как замечает Макмиллан, к весне 1955 г. «все еще ничего не было сделано». А английский народ напряженно ожидал мер, которые избавили бы его от угрозы новой мировой войны. В этих условиях правительство Идена решило использовать тревогу народных масс за состояние мира в своих интересах. Английское министерство иностранных дел продемонстрировало инициативу в достижении соглашения о созыве совещания в верхах. Трудной проблемой была позиция американцев, которые не желали созыва такого совещания. Но, как заметил Киркпатрик, президент США не будет слишком раздражен заявлением английского премьер-министра в пользу такого совещания, ибо «американцы уже привыкли к мысли, что даже лучшие друзья ставят друг друга в затруднительное положение по выборным соображениям».

Иден и Макмиллан делали заявления, вселявшие надежду на скорый созыв совещания в верхах. О совещании говорилось в таких выражениях, что не оставалось сомнений, будто речь идет о чем-то вроде совещаний 1945 г. в Ялте и Потсдаме. Это порождало ожидания, что на конференции с Советским Союзом на высшем уровне будут приняты великие решения. Черчилль мог спокойно возбуждать такие надежды, ибо знал, что дни его политической ответственности сочтены. Но Идену и Макмиллану нужно было действовать осторожнее. Они-то были уверены, что «окончательного решения» встреча с советскими представителями не даст, ибо правящие круги Англии и США отнюдь не хотели равноправной и взаимовыгодной договоренности с СССР. А следовательно, через некоторое время после встречи в верхах английский народ поймет, что в нем пробуждали лишь фальшивые надежды, и будет считать ответственными за это Идена и его партию. Чтобы застраховать себя на этот случай, английское правительство изменило ранее существовавшую концепцию конференций на высшем уровне. Такие конференции вошли в историю как непродолжительные встречи руководителей, облеченных самыми высокими полномочиями и принимающих окончательные решения по важнейшим проблемам международных отношений. Характерной чертой встреч в верхах были их оперативность и результативность. Весной 1955 г. Иден и Макмиллан придумали превратить предстоящую встречу в верхах в нечто совершенно противоположное — в совещание, которое не обязано принимать никаких ответственных решений, а должно явиться лишь началом бесконечного ряда других совещаний, чей исход заранее никак нельзя предвидеть и которые можно будет в любой момент прервать. Эта схема должна была отвлекать внимание народов и имела шансы на ее одобрение американским правительством. «Мне предстояло, — пишет Макмиллан, — выдвинуть концепцию длительного периода переговоров, ведущихся, возможно, на протяжении ряда лет или даже поколений, вместо одной встречи, которая почти наверняка должна была закончиться провалом».

7 мая 1955 г. Макмиллан беседовал в Париже с государственным секретарем США Даллесом и убеждал его согласиться на встречу в верхах в английском ее понимании. «Иден и я, — пишет Макмиллан, — были крайне заинтересованы, чтобы этот

план был рассмотрен в соответствии с его достоинствами. Он, конечно, помог бы нам на наших выборах». Эйзенхауэру и Даллесу не хотелось поддерживать идею совещания в верхах. Но, стремясь помочь консерваторам, они присоединились к предложению о созыве такого совещания. Американские газеты 29 мая прямо писали, что совещание было «навязано Даллесу только потому, что Иден смертельно боялся, что может проиграть парламентские выборы». В последний момент переговоров Макмиллана с Даллесом в Париже американцы попытались предложить свое «ограниченное участие» в совещании. «Даллес спросил меня, — записал Макмиллан в дневнике, — не думаю ли я, что будет достаточно, если вместо президента придет вице-президент? Полагая, что это шутка, я тоже ответил ему известной мюзикхолловской шуткой: «Бедная г-жа Джоис, с нею произошла ужасная вещь... У нее было два чудесных сына. Один из них утонул на «Титанике», а другой стал вице-президентом Соединенных Штатов. И с тех пор ни об одном ни слуху, ни духу». Даллес не принял шутку и молча рисовал на лежащем перед ним листке бумаги слова: «Нам не смешно», — а через некоторое время заметил: «Думаю, что вице-президенту это не понравится». Но английская сторона, для которой был столь важен официальный фасад будущей конференции, не могла согласиться на участие в ней лишь вице-президента, а не самого президента США.

Советское правительство охотно шло на переговоры с Англией, Францией и США на высшем уровне, имея в виду использовать переговоры для достижения хотя бы некоторой разрядки международной напряженности. Именно Москве в действительности принадлежала инициатива проведения переговоров в целях улучшения международной атмосферы и обсуждения осложнявших ее спорных проблем. 11 мая было опубликовано сообщение о предстоящей встрече на высшем уровне представителей СССР, Англии, США и Франции. Часть английской печати, поддерживавшая консерваторов, принялась неимоверно раздувать значение этого сообщения, поскольку избирательная кампания была в разгаре. Макмиллан вспоминает, что ему приходилось выступать на предвыборных митингах, но что он, «вероятно, смог оказать значительно более ценную помощь организацией встречи на высшем уровне, чем произнесением речей, какими бы они ни были яркими». Выборы 26 мая 1955 г. принесли победу консерваторам. Они получили в новой палате общин абсолютное большинство: 344 места против 277 мандатов лейбористов. Теперь правительство Идена приобрело определенную свободу рук. Как же оно намеревалось использовать открывшиеся возможности? Вспоминая о начале своей деятельности на посту премьер-министра, Иден сообщает: «Было совершенно ясно, что именно я желал делать. Во внешних делах я видел рост коммунистических устремлений и хотел, чтобы свободный мир укрепил свое единство на всех континентах с тем, чтобы бороться против этих устремлений. Во внутренних делах я верил в демократию, владеющую собственностью, и полагал, что нужно поощрять ее рост; она соответствовала английскому национальному характеру, а социализм — нет». Итак, программа совершенно четкая: борьба против коммунизма в глобальном масштабе и борьба против рабочего движения в Англии, по возможности путем примирения классовых интересов и сглаживания классовых противоречий.

Первые же месяцы после выборов продемонстрировали, сколь далека была внутренняя и внешняя политика правительства Идена от предвыборных обещаний консерваторов. Будем, однако, справедливы к этому правительству: оно поступило в точном соответствии с традицией, существующей в английской политической жизни. Избирательные программы партий — и консервативной и лейбористской — предназначены прежде всего для улавливания голосов избирателей и, как правило, сразу же после выборов выбрасываются за борт целиком либо в значительной своей части. Первой важной акцией Идена в сфере внутренней политики была выработка мероприятий по подавлению стачек. «С того момента, как я прибыл на Даунинг-стрит, — пишет Иден, — серия забастовок поглотила все мое внимание». Был создан специальный правительственный комитет во главе с министром внутренних дел Гвиллимом Ллойд Джорджем *, работавший в глубокой тайне. Шла избирательная кампания, и консерваторам пришлось бы туго, если бы рабочим-избирателям стало известно, чем занимается комитет. А через четыре дня после выборов правительство провозгласило в стране

* Сын Дэвида Ллойд Джорджа, известного либерального государственного деятеля Англии.

чрезвычайное положение. Это означало приостановление действия английской конституции и принятие на себя правительством чрезвычайных полномочий в борьбе против стачечников. Оно теперь могло применить любые меры, чтобы покончить с забастовками. Таким образом, первые же дни деятельности правительства Идена были отмечены такими реакционными действиями против трудящихся, к которым даже консерваторы остерегаются прибегать или обращаются к ним в самом крайнем случае.

После выборов прошло 5 месяцев, и в октябре 1955 г. правительство провело дополнительный бюджет, не только взяв назад сделанные весной уступки, но и предусмотрев меры, серьезно ухудшавшие положение трудящихся. Сокращались субсидии на жилищное строительство, и увеличивались налоги на покупки, повышалась стоимость почтовых услуг. Еще через 3 месяца оказалось, что и намеченных экономических жертв со стороны трудящихся «недостаточно». И в феврале 1956 г. правительство провело ряд «антиинфляционных мер» за счет прежде всего рабочего класса. Затем в апреле был принят регулярный бюджет на очередной финансовый год, увеличивавший налоги на потребительские товары. Эти действия вызвали крайнее недовольство широких народных масс. Правительство оказалось не в состоянии осуществить одновременно какие-либо популярные меры с тем, чтобы сохранить психологический баланс в общественном мнении в свою пользу. Недовольство стало четко выраженным и усиливалось из месяца в месяц. Естественно, что обрушивалось оно прежде всего на премьер-министра. Надежды на то, что Иден будет «хорошим премьером», уже никем не разделялись и довольно быстро испарились.

В конце 1955 г. Макмиллан сменил Батлера в министерстве финансов, а Селвин Ллойд — Макмиллана в Форин Оффис. Идену хотелось иметь в министерстве иностранных дел человека меньшего калибра и более податливого, который принял бы как должное повседневное вмешательство премьер-министра в действия Форин Оффис. Макмиллан же был не рядовым деятелем и желал оставаться полным хозяином в своем министерстве, причем ему вообще не нравилась мелочная опека со стороны премьера. Реорганизация правительства показала, что слухи о трениях в верхах партии тори имели под собой известные основания, хотя Иден и опровергал такие слухи весьма настойчиво. Безусловно, особенно отрицательно сказался на репутации Идена в глазах английского народа тот факт, что он многое сделал для ликвидации англо-советского договора о союзе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного им же самим в 1942 г. сроком на 20 лет. Конечно, и лейбористское правительство Эттли — Бевина немало потрудились над тем, чтобы ликвидировать союзные отношения между СССР и Англией, сложившиеся в ходе войны против общего врага. Но именно Иден, будучи министром иностранных дел в правительстве Черчилля, завершил эту работу. Он приложил огромные усилия к тому, чтобы вовлечь Западную Германию в НАТО — военно-политический блок, направленный против Советского Союза, и организовать ее ремилитаризацию. При правительстве Черчилля — Идена произошло в рамках НАТО объединение в военном союзе с ФРГ, во главе которой тогда стояло правительство, мечтавшее о том, чтобы «переиграть» итоги второй мировой войны. Эти действия находились в прямом противоречии с англо-советским договором, который предусматривал, что Советский Союз и Англия обязуются не принимать участия в блоках или коалициях, направленных друг против друга.

Советское правительство неоднократно предупреждало правительство Англии, что ратификация Англией соглашений о включении ФРГ в НАТО и ее ремилитаризации перечеркнет англо-советский договор 1942 г. и аннулирует его. Однако английское правительство не вняло этим предупреждениям и к середине апреля 1955 г. провело ратификацию соглашений. Советскому правительству после этого не оставалось ничего иного, как поставить вопрос о юридическом аннулировании договора 1942 года. Иден пришел к власти 6 апреля. Выждав с месяц и убедившись, что приход Идена на Даунинг-стрит не повлечет за собой изменений во внешнеполитической линии английского правительства, Советское правительство внесло на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР предложение об аннулировании англо-советского договора 1942 года. 7 мая Президиум Верховного Совета СССР принял соответствующий указ. Социалистические страны противопоставили политике раскола Европы на противостоящие друг другу военные блоки идею создания системы коллективной безопасности. Западные державы ответили отказом. В создавшихся условиях социалистические страны

оказались перед необходимостью принять дополнительные меры по обеспечению своей безопасности. 14 мая 1955 г. они заключили Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который носит оборонительный характер. Этот договор явился ответом на нарастание опасности возникновения новой мировой войны и на возникновение угрозы национальному суверенитету миролюбивых государств.

Варшавский договор стал важным шагом в консолидации сил социалистических государств. Постепенно соотношение сил между социализмом и капитализмом все больше изменялось в пользу социализма. В середине 50-х годов это обнаружилось особенно очевидно. То был результат успешного решения Советским Союзом стоявших перед ним задач дальнейшего развития социалистического общества и сохранения международного мира. Успешно реализовывались планы Коммунистической партии в сфере социалистической экономики. К этому времени движение народов за мир, против угрозы новой мировой войны приобрело большой размах. В связи с изменением соотношения сил между социализмом и капитализмом к движению сторонников мира примкнули новые общественные слои, ранее либо остававшиеся в стороне, либо занимавшие враждебную позицию по отношению к этому движению. 10 июля 1955 г. ученые и общественные деятели с мировым именем Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел и семь их коллег обратились к народам и правительствам с призывом «помнить о своих обязанностях перед человечеством и забыть обо всем остальном». Под обязанностями здесь подразумевалась необходимость предотвратить разрушительную войну. Участие таких деятелей в борьбе за мир помогало массам лучше понять возможные последствия ядерной войны, что, в свою очередь, содействовало расширению рядов сторонников мира.

Давление народных масс на государственных деятелей Англии и США в 1955 г. было особенно сильным. Газета «New York Times» отмечала 10 июля, что согласие американского правительства на участие в предстоящей конференции в верхах является «отражением огромного давления общественного мнения». Президент Д. Эйзенхауэр заявил на открытии конференции: «Мы собрались здесь в ответ на всеобщие настоятельные требования». Английское правительство испытывало аналогичное давление со стороны народных масс. Оно не могло игнорировать ни этого давления, ни того факта, что страна, которую оно считало своим противником, располагает самыми современными средствами обороны, и это делает агрессию против нее смертельно опасной для самого агрессора. Даже такой деятель, как Уинстон Черчилль, оказался вынужденным заявить весной 1955 г.: «Итак, у нас осталось очень немного времени, чтобы установить мир друг с другом; в противном случае нам придется заключать мир с господом богом». Эти озарения, хотя и запоздалые, подталкивали правительство Идена к тому, чтобы сесть за стол переговоров. В этом же направлении действовало и то обстоятельство, что западные державы, развязав «холодную войну», с каждым днем все более убеждались, что она приносит им поражения. В ноябре 1954 г. Макмиллан записывает в дневнике: «Холодная война» тревожит меня больше, чем «горячая война». Дело в том, что в действительности мы ее не выигрываем, а русские занимают центральные позиции... и осуществляют хорошо рассчитанные шаги».

2. Снова в Женеве

К середине 50-х годов у английского правительства, как и у американского, возникли сомнения относительно реалистичности проводимой им политики. Однако оно явно не желало изменить эту политику и строить свои отношения с Советским Союзом на другой основе. Это было очевидно еще до того, как открылась Женевская конференция на высшем уровне. В приглашении, адресованном западными державами Советскому правительству, не отражалась их готовность пойти на конструктивную договоренность с СССР. Указав, что пришло время вновь попытаться «решить огромные стоящие перед нами проблемы», западные правительства предупреждали, что это — дело длинное. И они не собирались его ускорять. «В ограниченное время, на которое главы правительств смогут встретиться, — гласил их документ, — они не будут обязаны стремиться достичь соглашения по существу... затруднений, перед которыми стоит мир». Явно в адрес народных масс было направлено предупреждение: «Для решения этих проблем потребуются время и терпение». Особенно важно было для западных деятелей, чтобы нареды именно с терпением реагировали на их поли-

тику. О чем же тогда в действительности собиралось вести речь в Женеве правительство Идена? Ответ можно найти в тех переговорах, которые последовали между министрами иностранных дел западных держав после получения согласия Советского правительства на встречу в Женеве. Макмиллан вел эти переговоры от имени Англии. «Договорились, что главными вопросами для обсуждения, — пишет он, — будут Германия, разоружение и отношения между Россией и западными странами». На первый взгляд повестка дня неплохая. Но что скрывалось за этими формулировками? 17 июня 1955 г. Макмиллан встретился с канцлером ФРГ К. Аденауэром. Шла речь о предстоявшей конференции. Канцлер заявил о своей уверенности в том, что «Россия стремится к ослаблению напряженности и может оказаться готовой выдать Восточную Германию в обмен на известную степень безопасности в Европе». Аденауэр посоветовал западным державам выступить с каким-либо предложением о разоружении «в целях пропаганды».

Взгляды руководителей английского правительства и канцлера ФРГ совпадали. Макмиллан позднее отмечал в мемуарах, как он был уверен, что русские «хотели бы уменьшить свои расходы на вооружение». Затем он приводит выдержку из своего дневника от 21 июня: «Но уплатят ли они за это соответствующую цену? В конце концов, уплатят ли они любую цену за что-то, что в действительности не ведет к достижению их цели?». Итак, речь шла о том, чтобы попытаться на конференции добиться от СССР согласия на присоединение ГДР к ФРГ и включение затем единой, буржуазной Германии в НАТО. Со своей стороны, западные правительства готовы были туманно порассуждать в беседах с советскими представителями о разоружении и безопасности в Европе. Иден даже продумал состоявшийся из трех частей план, формулировавший такие рассуждения. Подобная подготовка к Женевской конференции свидетельствовала о том, что Англия и ее союзники не стремятся к разрядке в международных отношениях и к конструктивной, равноправной, отвечающей делу мира договоренности с Советским Союзом. Эта позиция предрешала заранее исход встречи в верхах.

Советское правительство знало об истинных намерениях своих партнеров по переговорам, ибо министр иностранных дел СССР В. М. Молотов неоднократно обсуждал с английским, американским и французским коллегами вопрос о созыве совещания глав правительств. В ходе этих бесед выяснился ограничительный подход западных стран к целям совещания, и Советское правительство не ожидало, что совещание примет конкретные решения по важным международным проблемам. Поэтому директивы, которые были даны советской делегации на совещании, так определяли ее задачи: «Главными задачами совещания глав правительств четырех держав должно являться смягчение международной напряженности и содействие созданию необходимого доверия в отношениях между государствами. В соответствии с этим следует дело вести таким образом, чтобы совещание приняло те или иные решения, отвечающие этой цели, или хотя бы соответствующую декларацию (или заявление)».

Международная общественность понимала конструктивный характер намерений Советского Союза. Газета «New York Times» писала в те дни, что советские лидеры направились на совещание, «серьезно желая улучшения международной атмосферы». Четыре правительства договорились по дипломатическим каналам, что совещание на высшем уровне откроется в Женеве 18 июля 1955 года. Это была первая такого рода международная встреча, в которой Иден выступал в качестве главного представителя Англии. Его сопровождали министр иностранных дел Макмиллан, постоянный заместитель министра иностранных дел Киркпатрик, начальник секретариата кабинета Брук, а также группа экспертов и секретарей. Высокоставленных членов делегаций Англии и Франции сопровождали также их жены. Это может косвенно свидетельствовать о том, что западные министры не ожидали, что совещание потребует от них больших усилий. Главы всех делегаций разместились в отдельных резиденциях. Иден вернулся на виллу, которая была предоставлена в его распоряжение одним состоятельным швейцарцем за год до того, во время Женевской конференции по Индокитаю. Макмиллан вместе с чиновниками Форин Оффис обосновался в отеле Бо Риваж.

Совещание началось с дискуссии о повестке дня. После довольно острого обмена мнениями условились обсудить германский вопрос, проблемы европейской безопас-

ности, разоружения и развития контактов между Востоком и Западом. Представители западных держав, прежде всего Иден и Эйзенхауэр, выдвигали на первый план дискуссию по германскому вопросу. Иден, пожалуй, в какой-то степени верил в возможность решить этот вопрос в интересах лишь западных стран. Он считал, что если хорошенько «поднажать» на советскую делегацию, то она согласится на включение, с тем или иным дипломатическим оформлением, ГДР в ФРГ, которая останется после этого членом НАТО. Полной уверенности, конечно, не было, но попытаться, как Идену казалось, стоило. Вероятно, Иден поверил настойчивым утверждениям Эйзенхауэра, что внутреннее положение Советского Союза «весьма затруднительно» и Советское правительство может по этой причине оказаться вынужденным пойти на уступки Западу. Представители последнего явно принимали желаемое за действительное. Заблуждение для политиков чрезвычайно опасное!

Утром 17 июля французы, англичане и американцы встретились на вилле у Эйзенхауэра для согласования позиций. То было давно уже ставшее традицией создание своеобразного единого дипломатического фронта против советской стороны накануне важных переговоров с ней. Как вспоминает Иден, он сказал тогда Эйзенхауэру и Форю, что считает объединение Германии самым важным вопросом из всех подлежащих рассмотрению на совещании. Русские, заметил он, не захотят тратить время на обсуждение этой проблемы, «но правильной тактикой для западных держав было бы настаивать на ее обсуждении и выдвинуть такие предложения, которые русским было бы трудно отвергнуть». Оказав давление на советскую делегацию, можно будет, полагал он, заставить ее пойти на уступки по германскому вопросу. «Если мы в Женеве достигнем практического прогресса в направлении объединения Германии, эта конференция явится успехом для западных держав», — заметил Иден. Официальное обсуждение германского вопроса на совещании началось как раз с выступления Идена. Он повторно выдвинул так называемый «план Идена», впервые фигурировавший на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав в начале 1954 года. План предусматривал проведение «свободных выборов» в Восточной и Западной Германии, которые должны были привести к включению ГДР в ФРГ и сохранению единой, буржуазной Германии в НАТО. Эйзенхауэр поддержал английскую позицию.

Советская сторона заявила о своих возражениях. Англичане пригласили советскую делегацию на обед к себе на виллу. Иден в неофициальной обстановке (хотя неофициальность подобных мероприятий весьма условна) продолжал убеждать советских представителей согласиться с его планом воссоединения Германии. Макмиллан вспоминает, что эту беседу «Иден вел блестяще, пуская в ход все свое очарование как за обедом, так и после него». Но, как гласит запись в дневнике Макмиллана от 19 июля, советские делегаты твердо стояли на том, что они «не примут воссоединения Германии в рамках НАТО и будут драться против этого до конца». В то же время у англичан не осталось сомнений, что советская делегация «не желает провала совещания». Действительно, советская делегация выдвинула на совещании идею коллективной безопасности в Европе. Она заявила, что только совместные усилия всех европейских государств смогут дать европейским народам настоящую безопасность. В создании такой системы безопасности должны принимать участие оба немецких государства — ГДР и ФРГ. Было ясно, что правительства западных стран не намерены согласиться на роспуск своих военных блоков. Поэтому проект общеевропейского договора о коллективной безопасности, внесенный советской делегацией, учитывал эту позицию Англии, США и Франции.

Никаких конструктивных предложений английская и другие западные делегации в Женеве по вопросу безопасности не внесли. Иден выступил против советских предложений. Он противопоставил им идею заключения договора безопасности между всеми участниками совещания и объединенной Германией. Согласно договору, Англия, США и Франция должны были предоставить «гарантии безопасности» Советскому Союзу. Это как бы «плата» за согласие СССР на выдачу ГДР миру капитализма. Можно понять страстное желание Идена добиться ликвидации социалистического строя в ГДР и включения ее в систему капитализма. Но едва ли он мог серьезно рассчитывать на то, что Советский Союз согласится строить свою безопасность на основе «гарантий» буржуазных государств. Приятие таких «гарантий» означало бы, что Советский Союз поставил бы себя в зависимое от западных держав положение. ЕНСС и

Советское правительство ни в коем случае не могли пойти на что-либо подобное, даже если бы они и не знали по собственному историческому опыту истинную цену английским гарантиям. История 20-х—30-х годов содержит яркие примеры того, чем обернулись гарантии Англии для Франции, Польши, Румынии и Греции.

Макмиллан рассказывает, что во время «первого раунда» обсуждения этого вопроса Иден спросил: «Как насчет гарантий?». С советской стороны последовал ответ: «Мы сильны, нам не нужны гарантии». Аргументы Идена против предложенного советской делегацией проекта общеевропейского договора о коллективной безопасности были слабы и противоречивы. Он заявил, что советское предложение «неприемлемо» потому, что «потребовались бы годы, чтобы выработать такой договор». Вероятно, в тот момент он забыл (или сделал вид, что забыл) о тексте приглашения на совещание, в котором черным по белому было написано, что для решения стоящих проблем потребуется много терпения и времени. Макмиллан, как известно, определял это время десятилетиями и даже поколениями. Между тем для реализации советского предложения явно не требовался такой срок. Позиция правительства Идена по этому вопросу во многом напоминала позицию, которую через два десятилетия заняло консервативное правительство Хита в отношении общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

Иден, Эйзенхауэр и Фор не проявили интереса и к советским предложениям о разоружении. Советская делегация предложила договориться относительно уровней вооруженных сил великих держав, подчеркнув, что ее соображения основываются на ранее выдвинутых самими же западными державами предложениях. Советская делегация высказалась за принятие участниками совещания обязательства не применять атомного и водородного оружия и за то, чтобы призвать другие государства последовать этому примеру. Контрпредложения со стороны Запада были целиком посвящены контролю и инспекции существовавших вооружений и вооруженных сил. Новинкой являлось предложение Эйзенхауэра, чтобы США и СССР обменялись информацией о своих вооруженных силах и взаимно разрешили аэрофотосъемку своей территории. Предложение явно преследовало разведывательную цель: выяснить состояние советской обороны и Советских Вооруженных Сил. На этом основании оно и было отклонено советской стороной.

Как обнаружилось значительно позднее, предложение президента США очень не понравилось и Идену, но по другим соображениям. Он представил себе: а вдруг американцы и русские договорятся по этому вопросу? Ведь такая договоренность откроет возможность двустороннего советско-американского сотрудничества в этой конкретной области. А Англия окажется ни при чем. Как же тогда играть на противоречиях между СССР и США, если эти страны попытаются разрешать их путем двусторонних переговоров? Прямые советско-американские контакты, без участия английского «честного маклера», были кошмаром для Черчилля и Идена еще в годы антигитлеровской коалиции. И вдруг теперь, в июле 1955 года, Эйзенхауэр выступил с идеей, которая вновь возродила тревогу у Идена относительно возможностей игры, к выгоде Лондона, на противоречиях между Москвой и Вашингтоном. «На этот раз президент преподнес сюрприз», — записал позднее Иден. А у американского историка Флеминга можно в той же связи прочесть следующее: «Предложение президента о взаимной авиационной инспекции США и СССР напугало англичан до полусмерти... ибо оно, по существу, подразумевало американско-русское сотрудничество». Тогдашняя тревога у английского консервативного правительства в связи с возможностью советско-американского сотрудничества была хотя и напрасной, но показательной.

В ходе обсуждения вопроса о контактах между Востоком и Западом советская делегация выступила за развитие экономических, культурных и иных связей между народами, за расширение международной торговли. Все это явилось бы важным вкладом в дело уменьшения международной напряженности. Делегации США, Англии и Франции на словах поддержали идею расширения экономических связей, но ушли от конкретного обсуждения этой темы. В то же время они обнаружили большое стремление к расширению возможностей для направления в СССР материалов буржуазной пропаганды. В ходе обсуждения этого вопроса состоялся разговор между советскими и английскими делегатами об обмене визитами на правительственном уровне. Совет-

ские руководители пригласили Идена посетить СССР. Он отказался, но, со своей стороны, пригласил советских руководителей в Лондон.

После Женевского совещания можно было порою заметить стремление преувеличить его значение. Много говорили о «духе Женевы». История свидетельствует, что дипломаты, не добившись реальных результатов, часто склонны ссылаться на то, что они вызвали к жизни некий «положительный дух». Замечено, что такой «дух» имеет тенденцию быстро и бесследно растворяться. К тому же установить его существование весьма трудно, если вообще возможно. В действительности итоги Женевского совещания были невелики. Договоренности по важнейшим международным проблемам в Женеве не наметилось. Иден заявил в палате общин: «Женева обратилась с простым посланием ко всему миру: она уменьшила опасность войны». Но эта опасность тогда не уменьшилась, и это обнаружилось не позднее чем через год. А Иден прекрасно понимал это еще летом 1955 года. Однако ему было необходимо убедить английский народ, что премьер-министр выполнил свое обещание относительно совещания на высшем уровне. Отсюда и преувеличенно-оптимистическая оценка Иденом итогов Женевы. На деле для Идена и его правительства Женевское совещание не было успехом. Английская сторона надеялась «поднажать» на СССР и добиться его согласия на «объединение» Германии в соответствии с планами и целями западных держав. Этого не получилось.

3. Лондонская встреча

В Англии интерес к итогам Женевского совещания был подстегнут сообщением Идена в палате общин относительно достигнутой в Женеве договоренности о предстоящем в будущем году визите в Англию советских руководителей. Визит высокопоставленной советской делегации в Англию состоялся в апреле 1956 года. Настроение у Идена в то время было отвратительное. Он долго мечтал о том, как будет действовать на посту премьер-министра; как период его премьерства приобретет свои характерные черты и войдет с ними в историю. Для этого нужно было сделать что-то выдающееся или хотя бы заметно положительное. Вероятно, это будет область внешней политики, мечтал он; весьма возможно, что имперская сфера; маловероятно, что экономика или внутренняя политика. Но все шло вразрез с этими мечтами и надеждами. Неудачи преследовали Идена с первых дней премьерства: и экономические затруднения и внутривнутриполитические неурядицы. Иден надеялся отыграться в сфере внешней политики, где он, как ему казалось, был силен. Ведь вот Черчилль вошел же в историю именно благодаря своим деяниям в военной и внешнеполитической сфере, будучи несведущ в делах экономики и внутренней политики. Иден ожидал, что Женевское совещание в верхах явится его крупным личным достижением и придаст блеск его имени. Но оно прошло заурядно, бледно и популярности ему не принесло.

Плохо, катастрофически плохо складывались для английского правительства имперские дела. В Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке страны, недавно сбросившие британское иго, развивали и углубляли свою борьбу за действительную государственную независимость. Вполне естественно, что в этих усилиях они обращали свои взоры на сторону Советского Союза и других социалистических стран. Оттуда они могли получить бескорыстную помощь и поддержку. Но это подрывало колониалистские и неоколониалистские планы английских правящих кругов, которые требовали от правительства сильных, эффективных и результативных действий. Но что оно могло реально сделать? Британский престиж в странах «третьего мира» быстро падал. Политически и психологически для правительства и лично для Идена складывалась неблагоприятная обстановка. Недовольство «слабостью» правительства было известно Идену и крайне угнетало и раздражало его. Вскоре оно вышло из стадии внутренних разговоров в правительственных и деловых кругах и выплеснулось на страницы газет, причем не только оппозиционных, но и консервативных, включая оффициоз консерваторов «Daily Telegraph». «К началу 1956 г., — пишет Рандольф Черчилль, — правительство охватило общее недомогание, которое вызвало острую критику в адрес сэра Антони и его коллег, причем главная вина возлагалась на сэра Антони».

В таких условиях состоялся визит советских руководителей в Англию. Чувства раздражения и недовольства в адрес СССР всегда нарастают в кругах английской буржуазии, когда она сталкивается с теми или иными затруднениями, даже в тех случаях, когда СССР никакого отношения к ним не имеет. Так было и на этот раз. Еще до начала визита дало себя знать недоброжелательство правительства Идена в отношении Советского Союза. Иден раздраженно реагировал и на поездку советской делегации в Индию и Пакистан, и на выступления советских деятелей в поддержку новых независимых государств, и на выступления советской прессы против колониализма и неоколониализма. Все это, писал он позднее, «ставило под вопрос визит в Англию. Естественно, что я тщательно взвесил все эти обстоятельства и обсудил их со своими главными коллегами. Мне представлялось, что мы пригласили советских лидеров в Англию не потому, что это их устраивало, а потому, что нам было выгодно принять их здесь. Взвесив все, я считал, что в конце концов визит пойдет нам на пользу».

Эти колебания и сомнения сразу же сказались. Английская печать использовала для антисоветских выпадов нормальный в подобных случаях предварительный приезд в Англию советских сотрудников ради обсуждения с их английскими коллегами мер обеспечения безопасности визита. Английская сторона в нарушение существующих традиций пренебрегла далее пожеланиями советской стороны при составлении программы пребывания советских деятелей в Англии. Форин Оффис подготовил проект повестки дня переговоров, который даже Идену показался «слишком перенасыщенным вопросами, выгодными английской стороне». Иден предложил, чтобы «повестка дня была сформулирована в самых общих выражениях». Так и было сделано. В то же время правительство Идена предполагало использовать визит советских руководителей для демонстрации показного сближения с СССР с целью укрепить позиции консервативной партии внутри страны. Кроме этого, имелось в виду попытаться добиться от Советского Союза отказа от помощи национально-освободительной борьбе народов мира. Иден упоминает, как он собирался заявить советской делегации, что выступления советских деятелей и печати против колониализма «причиняют вред англо-советским отношениям». Рассчитывали также добиться (или, во всяком случае, попытаться сделать это) от Советского Союза одностороннего обязательства не поставлять оружия Египту, против которого Англия и некоторые другие державы уже замыслили военную интервенцию.

Официальные переговоры проходили в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, в зале заседаний кабинета. Советское правительство намеревалось использовать эти переговоры не только для укрепления англо-советских отношений, но и для действительного ослабления международной напряженности. Состоялся острый обмен мнениями относительно колониализма. Советские лидеры заявили, что СССР неизменно поддерживал и поддерживает национально-освободительное движение и не может не выступать с критикой колониализма и неоколониализма. Это вопрос принципа. Советская делегация отказалась взять обязательство не помогать Египту и предложила договориться о заключении широкого международного соглашения относительно запрещения поставок оружия во все страны Ближнего и Среднего Востока. Иден заявил: «Мы будем воевать за нефть». Советская делегация ответила, что никакие ссылки на «важность нефти для Англии» и на ее «жизненные интересы» на Ближнем и Среднем Востоке не могут оправдать применения Англией оружия в этом районе. Имея в виду радикально улучшить отношения между двумя странами, советская делегация внесла конкретные предложения о значительном расширении англо-советской торговли. Но правительство Идена отклонило эти предложения, сославшись на «действие существующего стратегического контроля». Это следовало понимать так, что английское правительство вместе с его союзниками упорствует в проведении экономической блокады СССР.

Серьезных практических результатов переговоры не имели. Да английская сторона и не стремилась к таким результатам. Ее требования, чтобы СССР отказался от проведения принципа социалистического интернационализма в отношении национально-освободительной борьбы народов, свидетельствовали, что английское правительство просто не готово пойти на улучшение отношений с Советским Союзом. 30 апреля 1956 г. Иден разослал членам своего кабинета меморандум, в котором

анализировал итоги переговоров с советскими представителями. «Я не верю, — констатировал он, — что у русских есть в настоящее время какие-либо планы военной агрессии на Западе». Это — очень важное заключение, сделанное в официальном, сугубо секретном документе. Между прочим, аналогичный вывод сделали Иден и Макмиллан на основании встреч с советскими делегатами и в июле 1955 г., на совещании в Женеве. Подводя впоследствии (в мемуарах) итоги Женевского совещания, Иден записал: «Женевская конференция преподнесла несколько уроков... Каждая из представленных на конференции стран узнала, что ни одна из них не желает войны, и все поняли почему». В этой сложной формуле нас интересует в данном случае то, что Иден вывез из Женевы твердое убеждение: Советский Союз не желает войны и стремится к миру.

Таковы выводы, к которым пришло в 1955—1956 гг. правительство Идена относительно намерений СССР. С этими выводами необходимо сопоставить измышления о «советской угрозе», непрерывно раздававшиеся из Лондона на протяжении почти двух десятилетий после событий, о которых идет здесь речь. Иден оказался крайне непоследовательным при подведении им итогов пребывания советской делегации в Англии. «Теперь, когда русский визит закончился, — писал он в упомянутом меморандуме, — необходимо проанализировать нашу политику. Есть ряд аспектов, требующих рассмотрения. До сих пор нашим главным оружием сопротивления советским посягательствам были военные средства. Но отвечают ли они современным требованиям?.. Готовы ли мы встретить вызов иным оружием? Это представляется мне главной проблемой внешней политики». Поскольку Иден в этом же документе признал, что военной угрозы со стороны Советского Союза не существует, возникает вопрос, в чем же усматривал он тогда «советский вызов», «советские посягательства». На этот счет существует полная ясность. Вызов правительство Идена видело в том, что КПСС и Советское правительство неизменно верили, как верят и сейчас, в конечную победу коммунизма во всем мире и намерены были содействовать этому, но, безусловно, не вооруженными средствами. Последнее Иден тоже понимал. Сразу же после переговоров, пишет он, «я должен был принять решение о том, какова должна быть наша политика. Теперешние советские руководители, как и их предшественники, абсолютно уверены в конечном триумфе коммунизма. В этом отношении они полны непоколебимой решимости».

Идена тревожило, что введенные в заблуждение империалистической пропагандой люди могли понять, что в действительности никакой угрозы советской агрессии не существует и что она от начала до конца выдумана недоброжелателями Советского Союза. Тем самым были бы подорваны основы НАТО. «По мере исчезновения угрозы большой войны, — размышлял тогда Иден, — существующая основа Западного союза против советских посягательств может быть ослаблена. Нам необходимо, если мы хотим поддержать солидарность свободного мира, особенно быстро приспособить нашу политику к тому, чтобы встретить новый вызов со стороны Советского Союза». Затем следовал важный вывод: «В области внешней политики дело обстоит так, что мы должны в будущем делать больший упор на экономические и пропагандистские средства борьбы и меньший — на военную силу». Это выглядело как поворот в английской политике, поворот от использования в основном военных средств борьбы против сил социализма и прогресса к преимущественному применению экономических, политических и идеологических средств. Этот поворот, однако, не означал отказа от военных средств. Было бы неверно полагать, что пересмотр английской политики был вызван неким прозрением Идена относительно отсутствия военной угрозы Западу со стороны СССР. Ведь Иден знал всегда, что такая «угроза» была измышлением западных политиков и пропагандистов. Скепсис относительно использования военных средств против СССР и других социалистических стран появился у Идена лишь после того, как ему и другим капитанам буржуазного мира стало ясно, что социализм обладает эффективными средствами защиты, поскольку это радикальное изменение в соотношении сил в пользу социализма пришлось именно на середину 50-х годов.

После того, как советские делегаты отплыли из Англии на родину на крейсере «Орджоникидзе», у Идена продолжались неприятности, связанные с этим визитом. Неожиданно стало известно из коммюнике военно-морского министерства, что 19 апреля Лайонел Крабб, офицер-водолаз английского военно-морского флота, погружался

в воду в гавани Портсмута вблизи советского крейсера и при этом погиб. Сразу же возник вопрос: что делал Крабб возле крейсера, на котором прибыла советская делегация? Катастрофа, постигшая Крабба, повлекла за собой официальное расследование. Было установлено, что Крабб останавливался в Портсмуте в «Салли Порт Отель». Когда попытались ознакомиться с регистрационной книгой отеля, оказалось, что высокий полицейский чин выдрал из нее страницу, на которой был зарегистрирован Крабб. Секретная служба явно стремилась замести следы. Члены парламента, возмущенные такой неловкостью своей разведки и тем, что этот инцидент публично свидетельствовал о враждебных действиях против СССР во время переговоров с его делегацией, подняли сей вопрос в палате общин. Главой всех разведывательных служб в Англии является премьер-министр. Следовательно, на такие запросы отвечает тоже он. Обычно ответ дается всегда один и тот же: премьер заявляет, что по соображениям безопасности страны разъяснений не последует.

Иден, однако, отступил от традиции. Это можно понять, ибо на него как на политического руководителя разведывательных служб падала ответственность за случай с Краббом. А это могло означать, что он вел двойную игру в переговорах с советской делегацией. Впоследствии он объяснял, что «могли возникнуть сомнения в искренности нашей позиции в ходе этих переговоров», и поэтому дал необычный ответ на запрос в палате общин, заявив: «Было бы не в интересах общества обнародовать обстоятельства, при которых командор Крабб предположительно погиб. Хотя практика предусматривает, что министры берут [за такие дела] ответственность на себя, я считаю необходимым, учитывая особые обстоятельства этого дела, разъяснить: то, что было сделано, было совершено без санкции или ведома министров ее величества. Принимаются соответствующие дисциплинарные меры». Таким образом, Иден признал, что английская разведка предприняла беспрецедентные действия в отношении советского крейсера в Портсмуте в то время, когда на высшем уровне велись переговоры с советской делегацией. Это был серьезный удар по репутации Идена. В Англии очень не любят провалов своих разведчиков. Иден же никак не мог снять с себя ответственность за этот скандальный провал, что бы он ни заявлял в палате общин. Если Крабб действовал с ведома Идена, то это скандал. Если же, как говорил Иден, секретная служба действовала без его ведома, то чего же он в этом случае стоит как политический руководитель разведывательных служб? Куда ни кинь, всюду клин!

4. Прелюдия к Суэцкой авантюре

Случилось так, что период пребывания Идена на посту премьер-министра совпал с развалом позиций Британской колониальной империи на Ближнем Востоке. Поэтому Иден оказался в положении человека, действия которого, даже если бы он попытался противодействовать этому необратимому процессу, в любом случае были заранее обречены на провал. Национально-освободительная революция к середине XX столетия была выстрадана всеми угнетенными народами земного шара. Она вполне созрела, и для ее победы сложились необходимые внутренние и внешние условия, делавшие поражение английского колониализма неизбежным. Правда, на протяжении первого послевоенного десятилетия Ближний Восток все еще оставался сферой преимущественно английского влияния, и в Лондоне были полны решимости сохранить эти позиции любой ценой. Но если в Индии английское правительство не рискнуло применить вооруженную силу, то на Ближнем Востоке оно было готово пойти на этот крайне рискованный шаг.

Перспективы освободительной борьбы арабских народов складывались для них благоприятно. Арабское национально-освободительное движение, поддержанное на флангах освободительной борьбой народов Кипра и Ирана, быстро развивалось и набирало силу. Лондонские деятели не смогли вовремя и правильно оценить степень зрелости этого движения. Особенно благоприятным для арабских народов фактором явился рост силы и мирового влияния Советского Союза и других социалистических стран, естественных и надежных союзников национально-освободительной борьбы народов. Казалось, что в Лондоне должны были иметь это в виду. Но, как ни странно, для Лондона многие важные события на Ближнем Востоке были неожиданностью, несмотря на длительное пребывание там английских колониальных администраторов, дипломатов

и разведчиков. Неожиданностью явились и события в Иордании, за которую английские правящие круги были вполне спокойны. Страной управлял 20-летний король Хусейн, воспитанный и обученный в Англии. Его войсками командовали английские генералы и полковники. На территории Иордании находилась более чем 100-тысячная английская армия. Англия помогала правителям Иордании аннексировать в конце 40-х годов часть Палестины. Наконец, Иордания была связана с Англией союзными соглашениями, а ее король получал субсидии. Тем не менее попытки Лондона втянуть Иорданию в Багдадский пакт сорвались. Правящие круги этой страны готовы были исполнить волю Лондона, но народные массы выступили против. Тогда Англия применила силу и... проиграла.

Английское правительство в конце 1955 г. стало нажимать на правителя Иордании, запугивая и третируя его. Одновременно генерал Глабб (англичанин, командовавший армией Иордании — Арабским легионом) развернул кампанию террора против народных масс. На Кипр были двинуты воинские подразделения с намерением использовать их в Иордании. В январе 1956 г. газета «Daily Express» писала: «Сохранение дружественного правительства в Иордании считается главным вопросом английской политики на Среднем Востоке... Иден и его министры убеждены, что Англия может сохранить свой уровень жизни, только обеспечив получение доли доходов от нефти в Персидском заливе. Главным образом из-за этого премьер-министр и решил увеличить силы главнокомандующего английскими сухопутными силами на Среднем Востоке генерала Кейтли с тем, чтобы он мог справиться с любой ситуацией». Английские газеты писали, что непосредственной причиной отправки войск являются антианглийские волнения в Иордании. Одновременно печать занялась поисками «виновных». Конечно, газетчики не касались сути дела — того, что неудачи правительства на Ближнем Востоке объясняются порочностью самой британской политики; что эта политика давно изжила себя и в современных условиях не может иметь успеха. Они искали только субъективные причины. Одни обвиняли британский МИД, другие — английских генералов, а третьи — премьер-министра.

2 марта 1956 г. под давлением народных масс король Хусейн сместил Глабба с поста командующего Арабским легионом и распорядился, чтобы он в течение часа убрался из Иордании. Одновременно были смещены другие английские офицеры. В ответ на эти действия британская печать потребовала применить силу, чтобы «восстановить престиж Англии». 7 марта в палате общин состоялись дебаты о положении на Ближнем Востоке. Уотерхауз, глава «суэцкой группы», заявил: «Англия — все еще могучая держава, и при необходимости наша сила должна быть применена». Выступление Идена, по словам Рандольфа Черчилля, было «нерешительным и неопределенным». «Я должен прямо заявить палате, — сказал Иден, — что не в состоянии определить сегодня линию политики, которую следует проводить в отношении Иордании», и сослался на недостаток информации. Премьер-министр вновь оказался в затруднительном положении. Идену было ясно, что консервативная партия ждет от него заявления о том, что Англия немедленно силою восстановит свои позиции в Иордании. Но он не был уверен, что такая операция даст положительные результаты. Да и генерал Глабб, прибывший уже в Лондон, считал, что применение жестких мер к Иордании на данном этапе может привести лишь к нежелательному итогу. Поведение Идена во время дебатов не понравилось «горячим головам» из консервативной партии. Английская печать писала: «Престиж сэра Антони получил удар. Об этом ясно говорило молчание и угнетенное состояние депутатов на консервативных скамьях позади Идена. Подобные эпизоды неизбежно заставляют задаваться вопросом, как еще долго сможет протянуть Иден... Ход событий может спасти сэра Антони, но трудно избавиться от чувства, что если этот год будет продолжаться так, как он начался, то в 1957 г. не сэр Антони Иден, а Гарольд Макмиллан станет распоряжаться на Даунинг-стрит». Пророческое предсказание, которое сбылось с поразительной точностью! Подводя итоги дебатам в парламенте, Рандольф Черчилль писал: «Что касается сэра Антони, то эти дебаты знаменовали начало распада его личности и характера, которыми, по мнению общественности, Иден обладал».

Середина 50-х годов была отмечена двумя крупными агрессивными акциями, которыми империалистические политики намеревались обеспечить сохранение колониализма, нанести удар делу свободы и независимости народов, подорвать единство

стран социалистического лагеря и ослабить мировую социалистическую систему. Англия, Франция и Израиль, стремясь обеспечить свои империалистические интересы на Ближнем Востоке, развязали вооруженную агрессию против Египта. В то же время империалистические круги спровоцировали контрреволюционный мятеж в Венгрии. Это были звенья одной цепи... Избавившись от британской оккупации, египетское правительство наметило к осуществлению ряд мер по ликвидации тяжелых последствий колониального господства Англии, развитию национальной экономики и повышению жизненного уровня народа. Успех этой программы зависел прежде всего от строительства Асуанской плотины на реке Нил, которая должна была namного увеличить посевные площади и обеспечить электроэнергией национальную промышленность. Для строительства плотины требовались крупные капиталовложения. Египет надеялся получить примерно 270 млн. долл. у Международного банка развития и реконструкции, у Англии и у США. Однако страны Запада выразили готовность дать займы на неприемлемых для Египта политических условиях. На таких условиях развитые буржуазные государства обычно «помогают» молодым развивающимся странам. Английский автор Х. Томас отмечает, что это был очередной случай, когда «Запад открыто использовал помощь развивающимся странам в качестве инструмента политики». Когда же Египет отклонил предложенные условия, правительства Англии и США взяли обратно свои предложения о предоставлении кредитов на строительство Асуанской плотины.

26 июля 1956 г. египетское правительство объявило о национализации англо-французской «Всеобщей компании Суэцкого морского канала», владевшей находящимся на египетской территории Суэцким каналом. Юридически это была совершенно законная акция, и осуществлялась она в интересах как египтян, так и всех арабских народов. Условия концессии, по которой действовала компания, предусматривали, что она является египетской, подлежит местной юрисдикции, должна управляться по законам и обычаям Египта и будет в вопросах эксплуатации Суэцкого канала выступать от имени египетского правительства. Как известно, канал был построен потом и кровью египтян. Строительство началось в 1859 г. и велось вручную. Рабочие набирались в принудительном порядке из египетских феллахов. Каждый месяц нанимали по 60 тыс. рабочих, что было непомерной тяжестью для Египта, численность населения которого составляла тогда 4 млн. человек. Примерно 120 тыс. египтян погибло на строительстве от непосильного труда и болезней. Египет израсходовал на постройку канала 456 млн. франков. Но эта сумма не включает еще трудового участия египтян и стоимости земли, отведенной под канал. В 1875 г. английское правительство купило у тогдашнего правителя Египта принадлежавшие ему акции компании Суэцкого канала, и в конце концов Египет был полностью отстранен как от управления каналом, так и от участия в прибылях, получаемых от его эксплуатации. Национальное достоинство Египта оказалось захваченным колонизаторами.

В мемуарах Идена раздел, посвященный Суэцкому кризису 1956 г., открывается главой под названием «Кража». Глава повествует о национализации Суэцкого канала. Было бы неправильно выбор автором такого заголовка относить к неудачной попытке беллетризации исторического события или счесть отражением авторского эмоционального состояния, порожденного неудачным личным участием в событиях. Нет, это — выражение убеждений Идена, его мировоззрения. Более того, это — прямое выражение мировоззрения правящих кругов Англии. Именно это мировоззрение является идейной основой современного английского неоколониализма, и оно же служило моральным «оправданием» для английского правительства, предпринявшего вооруженное нападение на Египет в 1956 году. Это сугубо классовая концепция, гласящая, что все, отнятое ранее колонизаторами силой и хитростью у поработанных ими народов на протяжении десятилетий и столетий, является ныне священной и неотъемлемой собственностью империалистов. Таковы идеология и мораль колонизаторов. Было бы, впрочем, неверно недооценивать их взгляды, ибо эти «принципы» являются по настоящее время существенным элементом в международных отношениях.

(Окончание следует.)